

Каин

Автор:

[Анастасия Шерр](#)

Каин

Анастасия Шерр

Она предала его. Унизила. Растоптала его сердце своим изящным каблучком. Он больше не тот влюблённый идиот, что волочился за ней и сдувал пылинки с её чудных волос. Теперь он – Каин. Не знающий пощады и жалости изверг, обуглившееся сердце которого больше никому не принадлежит. Или же это самообман? Защитная реакция, чтобы никогда больше не познать той адской, разрывающей душу боли? Какой будет его месть? И сможет ли она доказать свою невиновность спустя годы? В оформлении обложки использовано изображение с сайта Shutterstock. Содержит нецензурную брань.

Пролог

Девушка шла по заснеженной тропинке, таща полные пакеты продуктов в направлении дома. Впервые за долгое время она порадует свою малышку конфетами и фруктами, что давно уже стали для дочери деликатесом.

Она устроилась на работу! Наконец-то!

И пусть эта работа не такая, о которой можно рассказать своему ребёнку. Пусть... Зато у неё появился шанс.

Сердце радостно трепыхалось в груди и холод, проникающий под тонкое осеннее пальтишко, почти не чувствовался.

Да, она ничего не купила себе. Весь аванс потратила на лекарство для Даниэллы, а остатки и без того не крупной суммы пошли на лакомства для больной дочери. Но плевать. Теперь она сможет, наконец, расплатиться с деньгами и отправить дочь на реабилитацию...

Улыбка сошла на нет, когда вспомнила о предстоящей операции... Только бы всё обошлось. Только бы Дана выздоровела.

Её жизнь.

Её свет.

Её маленькое, улыбочивое счастье.

Позади послышался визг тормозов и чёрная иномарка остановилась прямо напротив неё.

– Эй, красавица! Садись подброшу! – из окна высунулся какой-то мажористый паренёк с «тоннелями» в ушах. Мерзость какая...

– Спасибо, мне тут рядом, – мило улыбнулась и с ехидцей добавила:

– За дочкой вон в тот садик иду, – этот способ «отшивания» действует безотказно.

Паренёк что-то проворчал и, ударив по газам, тут же скрылся из виду. Так-то получше будет. Ухажёров ей сейчас только не хватало.

Варя всегда пользовалась популярностью у противоположного пола. Что сказать, девочка-конфетка. Её голубые глаза сражали наповал с первого раза, а стоило дотронуться до шелковистых волос цвета спелой пшеницы, и всё... Прощай рассудок.

Хоть и была маленькая ростом, но изящная фигурка это вполне компенсировала.

Ещё в школьные годы парни не давали ей прохода в прямом смысле этого слова.

Только все они оставались не у дел, ибо предпочитала Земская мужчин постарше и посолиднее. Нет, её не интересовали деньги и дорогие «цацки», которыми обычно задаривают своих любовниц «женатики» и прочие личности, пускающие слюни на молодое стройное тело.

Просто прыщавые подростки не её удел.

Хотелось умного, взрослого... Чтобы было о чём поговорить, кроме «ну чё, сегодня в клубешник зарвёмся?». Чтобы умел ухаживать и слушать. Чтобы сердце при виде ЕГО трепыхалось... Чтобы бабочки в животе и до головокружения.

И судьба услышала её мольбы... Услышала и пошутила. Зло пошутила.

Она встретила ЕГО когда возвращалась с выпускного. Встретила и забыла как дышать. Всё напрочь забыла.

Ах, почему же она тогда не поехала вместе с одноклассниками в клуб... Но разве от судьбы уйдёшь? Едва ли.

Глава 1

– Ииии? – подруга пытается вывести меня на «чистую воду», явно намереваясь узнать всё в мельчайших подробностях.

– Ну что «и»? Работа как работа. Ничего особенного... – почти утыкаюсь носом в стакан с водой, хотя и не хочется мне пить.

Просто говорить сейчас совершенно нет желания. Не то настроение. Слишком много произошло за день.

Ещё с утра я была безработной, а тут такой шанс...

Правда, не каждый человек назовёт работу стриптизёрши шансом. Но в моём случае – именно он и есть.

– Так, красотка! Ты меня хорошо знаешь. Я не отстану. Ну-ка, колись! Что за работа? – Вика не из тех, кто получив невразумительный ответ, кивнет и пойдёт дальше.

Ей нужно всё в деталях и желательно украшая рассказ жестами.

Точно не отстанет.

– В общем, это ночной клуб... Ты говорила же, что с Даной посидишь, если что? – уточняю непонятно зачем, Вика и так почти в драку лезет каждый вечер, чтобы мою малютку спать уложить.

– Ой, что за вопросы глупые, Варь? Ты давай, с темы не съезжай. Кем ты там работать-то будешь? – подруга отчаянно размешивает уже давно растворившийся сахар в чашке с чаем.

– Танцовщицей, – опускаю глаза, чтобы не видеть как у Яровой отрывается рот и глаза лезут из орбит.

– Чего-чего? Стриптизёршей что ли? – она всё-таки удивилась. – Или гоу-гоу? Потому что, если второе, то ладно...

– Нет. Не второе, – вздыхаю, не смея поднять взгляд. Хорошая же из меня стриптизёрша получится, даже с подругой разговаривать стесняюсь.

– Мляя, Варька... – Вика чисто на автомате закуривает сигарету, хотя ещё вчера обещала, что бросит. – Ну ты, мать, жжёшь...

– А что мне делать, Вик? – уже не выдерживаю давления на нервную систему и хлопаю ладошкой по столу. – Сама знаешь, с моим образованием высоко не попрыгаешь. А Данке скоро на операцию. Представляешь, какие это деньжищи? Ты нас не потянешь. И так на шее у тебя сидим уже сколько.

– Варь, так ты ж квартиру продала. Я думала бабки есть... Хотя бы на операцию.

- Ага, есть. Там всего-то ничего осталось. Да даже если таких квартир две продать, не хватит на всё.

- Ох, не знаю... Со мной пошла бы на рынок...

- А там я, конечно, много заработаю, да?

Вика шумно выдыхает дым и, подперев голову рукой, взирает на меня тревожным взглядом.

- Думаешь, сможешь?

- Должна. Ради дочери должна. Да и аванс, сама видишь, уже потратила.

* * *

Мразь! Подлая сука! Грязная шлюха!

Сколько бы я не опрокинул оскорблений на голову этой продажной твари, все слова лишь пустой звук по сравнению с тем, кем она является на самом деле.

Я откинулся на спинку мягкого кресла и снова нажал на воспроизведение.

Вот она заходит в номер. Раздевается.

Блядь!

Закрываю глаза, не в силах снова видеть этот ужас, хотя и пересмотрел плёнку уже хуеву тучу раз. Я наизусть знаю, что в этом «фильме» будет дальше.

Она встанет на колени перед этим жирным стариканом и возьмёт в рот его толстый дряблый член. А потом он поднимется со стула, развернёт её к себе спиной, нагнёт и будет трахать как подзаборную шалаву.

Она и есть шалава.

Подлая сука, вынудившая из меня душу.

Сколько лет прошло уже? Семь... Семь грёбаных лет, каждый день, посланный мне Богом, я просматриваю это видео.

И каждый раз как в первый.

Я хотел убить эту суку.

Уничтожить. Стереть её с лица земли, втоптать в грязь, как это сделала она, а потом долго пинать её остывший труп.

Почему не убил?

Это было бы слишком легко. Слишком просто.

Можно ведь превратить жизнь предателя в ад и наблюдать как он корчится в агонии у твоих ног, как прокликает себя, свою жизнь, как мечтает сдохнуть.

Именно поэтому я истребил всю её семейку, как стайку паразитов, коими они и являлись.

Именно по этой причине я оставил её в живых. Чтобы мучилась и страдала, сука! Каждый день горела в этом огне, как горю я!

– Как же я ненавижу тебя, шлюха! – сошвыриваю со стола всё содержимое вместе с ноутбуком, на экране которого эта шкура сосёт хер старого ублюдка. – Конченная сука! – вскакиваю с кресла и иду к бару с твёрдым намерением выпить чего-нибудь покрепче.

Сегодня ровно десять лет со дня нашей свадьбы. И семь с тех пор, как я лишил её всего, что было ей дорого.

Жалею ли я? Нет!

Ненавижу даже спустя столько лет? Да!

– Дмитрий Александрович... У вас всё хорошо? – в двери появляется испуганная физиономия Алочки.

Она переводит взгляд своих размалёванных глаз на пол, где валяется разбитый ноутбук, и непонимающе хлопает своими накладными ресницами невероятной длины.

– А что, блять, не видно тебе, овца? – да, я бываю груб.

В конце концов, плачу ей столько, что можно и потерпеть.

И она терпит.

Даже когда трахаю её как последнюю дешёвку прямо на столе или в туалете клуба.

Я здесь Хозяин. Я здесь Царь. А значит, имею право.

Всё в этом мире продаётся и покупается, люди не исключение.

Продажные шкуры...

– Простите, я позже зайду... – Аллочка, наконец, догнала своим убогим мозгом улитки, что пора сваливать, только поздно.

– Стоять! Сюда иди, – поманив её пальцем, наклоняю голову.

Аллочка – дура. Но не настолько, чтобы не знать свои обязанности.

Молча подходит, становится на коленки и тянется к моей ширинке.

Да, сука.

Это именно то, что от тебя требуется на данный момент. А больше она ни на что и не способна, как впрочем, и большинство таких кукол.

Дальше я буду вгонять свой хер ей в глотку, а она, захлёбываясь соплями и слезами, будет исступлённо отсасывать.

Держать её за волосы и вбиваться так глубоко, чтобы начала задыхаться и скулить, а потом кончу ей прямо в горло. Шалава будет давиться, но проглотит всё до капли и в конце наигранно оближет свои пухлые губы, как будто это доставило ей удовольствие.

А потом я вышвырну её из своего кабинета и продолжу методично напиваться до зелёных чертей, в очередной попытке забыть ебучую прорву, что сожгла во мне всё живое.

И нет, я не жалею. Я даже благодарен ей за то, что открыла глаза, показала, насколько дешево всё в этом мире.

Говорят, лучше не знать о том, что тебя долгое время водили за нос и предавали?

Херня это всё!

Надо знать!

Чтобы в следующий раз сломать нос и покрошить зубы той блядине, что решит тебя наебать!

И не важно кто это.

За предательство нужно платить.

Кровью!

Глава 2

Остановилась у двери администратора и попыталась отдышаться.

Марик, он же Марк Купельман, поговаривают, та ещё сволочь. Но с девчонками, работающими в его клубе всегда честен, зарплату выплачивает добросовестно и в помощи в экстренных ситуациях не отказывает.

По крайней мере, так мне сказала Оля – бывшая одноклассница, которую я чудом встретила в метро после стольких лет. Когда-то мы были очень дружны, но жизнь, как говорится, раскидала.

Теперь же я понимаю, что мне её Бог послал. Ведь обычно Оля ездит на своей дорогой иномарке, которой не забыла прихвастнуть передо мной. Тогда же её тачка сломалась в районе, где я живу и девушке пришлось спуститься в метро.

В белом полушубке, дорогих сапожках и сумочкой из крокодиловой кожи от «Шанель» (почему-то я не сомневалась, в её подлинности), Оленька прошагала мимо мужиков с отвисшими челюстями и зашла в вагон.

– Варька? – она прищурилась, глядя на меня с удивлением и, как мне тогда показалось, разочарованием.

Ну ещё бы! Первая красавица школы из обеспеченной семьи, выскочившая замуж за богатого бандюка... А теперь сидит в метро в обшарпанном старом пальто и облезлых сапогах.

Я бы тоже удивилась.

Наверное именно её респектабельный вид заставил меня развести «слякоть» и начать жаловаться на жизнь. Нет, я не хотела её жалости, не хотела, чтобы меня взяли на руки и стали убаюкивать – отвыкла от этого. Просто сильно желала, чтобы эта ухоженная конфетка узнала о существовании другого мира, где нищета и болезни, боль и страх потерять своего ребенка.

Зависть?

Не исключено...

Знаю, это некрасиво и недостойно человека, но в тот момент как-то обидно стало. Почему одним всё, а другим шиш на постном масле? Впрочем, ответ на

этот вопрос мы вряд ли когда-нибудь узнаем.

– Бедняжка ты моя, – прослезившаяся Оленька сграбастала меня в свои объятия и потащила прочь из метро. – Пойдём-ка, кофейку выпьем. Есть у меня один вариант для тебя.

И вот стою я у двери этого Марика и сердце то из груди выпрыгивает, то останавливается.

Не хочу туда идти.

Так страшно...

В последний раз меня так трясло, словно в лихорадке, когда врач бесстрастным тоном объявил мне, что Дана родится инвалидом.

В тот день я снова попала в ад, будучи живой. Столько боли... Столько страданий выпало на мою долю. Но я... Пусть. В чём же вина моей безгрешной девочки, которая за шесть лет своей жизни ни разу не встала на свои маленькие ножки. Ни разу она не бегала с другими детишками во дворе, лишь молча наблюдает за ними. А потом взирает на меня своими темными глазками так укоризненно.

На глаза снова навернулись слезы. Нет, нет, только не сейчас. Нельзя плакать, нельзя раскисать. Ради дочери и её будущего я должна идти вперёд, не оглядываясь назад.

В конце концов, что случится, если я зайду в этот проклятый клуб и станцюю пару танцев? Ничего, Варька, не рассыплешься!

За то аванс отработаю за один вечер и через неделю снова смогу получить деньги, начну откладывать на операцию и реабилитацию... Что же, ради этого можно и повертеть задом. Не отвалится.

Захожу в кабинет и замираю. Худощавый мужчина сидит за столом и перебирает какие-то документы.

Откашливаюсь, но он продолжает шуршать своими бумажками и, кажется, совершенно меня не замечает.

– Простите, – решаюсь подать голос, потому как этот мужик меня уже начинает раздражать своим неуважением. Хотя, конечно, девок у пилоната мало кто уважает, но всё-таки, мы пока не настолько близко знакомы, чтобы можно было строить из себя великого босса. – Я от Оли... Она сказала, вам требуется танцовщица... Я обучалась восточным танцам и...

– Покажи мне сиськи, – не поднимая взгляда на меня, вполне спокойно проговорил Марик, а меня словно в кипяток окунули. Щёки запылали, а сердце окатило волной презрения к самой себе.

Но это ведь ожидаемо. К этому стоило подготовиться и не корчить сейчас из себя девственницу. Здесь никому нет дела до моих проблем и моральных устоев.

И я показала.

Просто расстегнула пальто, подняла кофту и показала.

Марк, наконец, соизволил поднять на меня взор своих серых глаз и окаменел.

Я немного опешила от такой реакции и даже растерялась. Чего это он так пялится? Знакомы? Да нет, это вряд ли. Я в подобных местах никогда не появляюсь, а он явно не завсегдатай моей любимой библиотеки.

Но вскоре я пойму, что это выражение лица вызвано похотью. Животной, грязной, пахнувшей развратом похотью.

– Ох, ты ж... Какая лялька, – Марик поднялся из-за стола во весь свой исполинский рост и в мыслях всплыла его кличка, над которой от души потешалась Оленька – «Каланча».

Не то, чтобы он был некрасивым, нет. Скорее, слишком хрупкий, что в мужчинах мне никогда не нравилось. Я любила всегда грубых неотёсанных мужланов со щетиной, сажнем в плечах и развитой мускулатурой. Как Дима...

Ох, что-то меня не в ту степь снова несёт. Где это видано, стоять с обнажённой грудью перед незнакомым мужчиной и вспоминать бывшего, который загубил всю твою семью.

Вот уж, поистине, попала!

Опустила кофту и молча наблюдаю за «крадущимся тигром» – это, наверное, сейчас Марик так о себе думает... На самом деле, его подползание ко мне больше смахивает на танец пьяного страуса.

Длинные ноги Купельмана путаются и спотыкаются друг за дружку, пока он, гипнотизирующе глядя мне в глаза, приближается.

Отчего-то страх отступил и на его место пришло веселье. Очень забавный он, этот Марик.

Да только скоро так и не сорвавшийся из уст смех превратится в отчаяние, когда Марк приблизится вплотную и дыхнёт перегаром (явно уже трёх, а то и пятидневным) мне в лицо.

Ой-ёй... Это же он сейчас приставать будет. Как пить дать.

И мои страшные догадки подтверждаются, когда потная липкая ручонка Каланчи залезет мне под кофту, а вторая ложится на попу.

Разумеется, меня это совсем не устроило и я попыталась отступить, убирая его руки от себя. Да только Марику это, видимо, показалось игрой и он, довольно причмокивая, больно сжал мою грудь.

– Какие они у тебя большие! Давай снимем это, я хочу твой сосочек полизать! – стаскивает с меня пальто и оно падает на пол.

– Прекратите! Что вы себе позволяете?! – уже ору ему в лицо, пячусь назад и, споткнувшись о пальто, падаю.

Но упасть мне не дал Марк, крепко обхватил за талию и притянул к своему лицу.

– Я люблю поиграть, но давай позже. Сейчас я просто потрахаю тебя в ротик и пойдёшь работать, – шепчет мне в губы и, схватив за волосы, облизывает своим языком мою щеку.

От отвращения кружится голова и накатывает тошнота. Я бью его в грудь, что есть сил, но с виду хрупкий Марк даже не покачнулся.

Всё-таки, мужик, он и в Африке мужик. Они всегда сильнее маленькой девушки, какими бы дохлыми не выглядели.

Кричу, пытаюсь вырваться из его рук, но меня неумолимо быстро покидают силы, а этот подонок, тянет за волосы вниз и мне ничего не остаётся, как взвыть от боли и упасть перед ним на колени.

– Вот так, сучечка, вот так, – шепчет ублюдок и, расстегнув ширинку, вытаскивает свой вздыбленный член. – Давай же, пососи мне, шлюшка. Открой ротик, – зафиксировав мою голову у своего паха, он тычется своим членом мне в губы, а я только и могу, что мычать да рыдать в три ручья. – Бери же, сука! – уже рычит Марк, безуспешно пытаясь овладеть моим ртом.

Я задыхаюсь и корчусь от отвращения и боли. Пожалуйста, Господи, помоги мне! Спаси меня, милосердный! Никогда больше я не переступлю порог этого заведения! Никогда больше не стану продавать своё тело!

Да только кто же меня спросит?

Ведь я уже потратила аванс, который мне вручила Ольга.

Неожиданно приходит спасение. Дверь позади меня резко распахивается, а Марк от неожиданности отпускает меня и в спешке заталкивает член обратно в штаны.

Позже я пойму, что это было вовсе не спасение... Это был мой палач.

– Шеф, я это... Вот собеседование... Про... Провожу, – заикается насильник и отступает назад, с первобытным ужасом в глазах смотря на того, кто стоит позади меня.

По телу пробежала дрожь, а сердце заколотилось ещё сильнее. И, как ни странно, не от того, что меня сейчас чуть не поимели в рот, не от того, что я сейчас в неподобающем виде сижу на полу, а от животной энергетике, которая исходит от моего «спасителя». Я чувствую его кожей, спинным мозгом.

Не могу повернуться. Нет сил. Ни моральных, ни физических. Но остатками разума понимаю, что нужно уходить отсюда. Убегать. Быстрее и подальше из этого притона.

И тут происходит то, чего ожидать даже в такой патовой ситуации я не могла.

– Я тебе кабинет предоставил для того, чтобы ты, ебучий ублюдок, тёлочка здесь паялил и бухал?! – звучит за спиной и я чувствую, как меня покидает сознание.

Не от его слов, нет. От его голоса! От этого злобного баса, который до сих пор снится мне в эротических снах и вместе с тем в кошмарах!

А затем, до моих ноздрей доходит запах... ЕГО ЗАПАХ!

Даже если мне выколоть глаза, отрезать уши и отрубить руки, я всё равно узнаю этого человека по запаху. Дерзкому, пьянящему, как он сам.

Каин...

Мой палач.

Мой страшный грех.

Мой ночной кошмар.

Отец моей доченьки...

В голове слабо трепыхается одна единственная мысль – БЕЖАТЬ!!!

Не важно куда, важно как быстро!

Вскакиваю с пола и, не глядя на Каина несусь мимо него прочь из этого ада. Ноги сковывает страх, но я упрямо рвусь вперёд, понимая, что если остановлюсь, умру. А может я уже умерла? Да... Скорее всего так и есть. Умерла и попала в ад, где целую вечность меня будут терзать мои демоны. Мои страхи.

– Васёк, удержи шалаву! – слышу позади голос Каина и передо мной тут же, как из-под земли, вырастает скала. По видимому, это и есть тот самый Васёк. Охранник хватает меня за предплечья.

– Эй! Полоумная, куда несешься?! Тряпки свои сифилисные отсюда забери! – Каин приближается, а я хочу кричать, выть... Перегрызть глотку охраннику. Всё, что угодно, лишь бы вырваться из этого омута смерти.

Но не суждено. Васёк, пусть его одолеет диарея, не отпускает, а тяжёлые шаги Каина уже стучат в моих висках, отчего кажется, что моя несчастная голова сейчас взорвётся.

Да какая разница?

Если не умру от страха сама, мне помогут.

Обречённо стону и, мягко отстранив от себя охранника, который от неожиданности выпускает таки меня из своих стальных клещей, поворачиваюсь к своему палачу.

Вот и всё...

Господи, это он!

Я до последнего надеялась на то, что ошибаюсь. Что мне послышалось, почудилось. На худой конец, я с ума сошла и Каин мне просто мерещится.

Но нет.

Как бы я не хотела сейчас очнуться от очередного кошмара, избавление не наступало.

А Дима... Он просто застыл. Окаменел.

Лишь на один короткий миг в его тёмных омуты, в которых она тонула даже сейчас, промелькнуло... Удивление? Да, скорее всего... Но уже через секунду все эмоции были стёрты с его лица и о чём он думает, можно было только догадываться.

Нужно было что-то делать. Что-то сказать. Но все слова застряли в глотке тугим комком. Перед глазами всё поплыло и страшные картинки из прошлого яркой болезненной вспышкой ворвались в сознание.

Боль от потерь и унижений, от моральных и физических ран. Всё вернулось. Снова.

Одного взгляда на этого мужчину достаточно, чтобы опять окунуться в кипящую лаву, в которой я плавлюсь, горю заживо уже столько лет.

– Здравствуй, Дима, – это я говорю? Странно... Голос как будто не мой и губы не шевелятся.

Словно со стороны наблюдаю за маленькой испуганной девочкой, которая носит под сердцем ребёночка, но ещё не знает об этом.

Она затравленно смотрит на своего обидчика, зажавшись в углу, как зашуганный зверёк.

А он всё наступает.

От него нет спасения.

Он привык убивать. Он бандит. А ещё, тот, от кого меньше всего ожидала... Никогда она не думала, что он сможет поднять на неё руку.

– Дима, Димочка, прошу, не надо! Не бей! Умоляю! – она кричит, рыдает, чувствуя свою кончину.

Он убьёт её, не задумываясь и не сожалея.

Это последний день её счастливой, полной радостных мгновений жизни. Потому что завтра для неё уже не наступит.

Она останется жить лишь физически. Только её тело будет продолжать бороться... Душа же умерла в тот вечер.

Он сжимал её горло стальной рукой, а второй бил наотмашь. Она слышала как хрустят кости и зубы. Как рот наполняется кровью и она падает на пол. Живот и рёбра пронзает адской болью – это он уже бьёт её ногами.

Изверг.

Чудовище.

За что? Почему?

Как всего за пару часов человек, что любил до умопомрачения, до крика, до зубовного скрежета, превратился в зверя, не знающего жалости и сострадания.

Утром она очнётся в больничной, до тошноты белой палате и завоет, закричит так, что горло взорвётся вспышкой режущей боли, а сознание снова покинет её.

Она будет приходить в себя, кричать и снова отключаться и лишь противно попискивающий датчик будет говорить о том, что она всё ещё дышит.

Она выжила, чтобы увидеть смерть своих отца и брата. Чтобы вскоре опять начать улыбаться, глядя на экран монитора, где бьётся крохотное сердечко, а потом снова умереть, услышав, что её девочка родится калекой.

– А ты всё по старинке, ртом работаешь, да? – его губы изогнула кривая злобная усмешка и я моргнула, избавляясь от видений, яростным вихрем ворвавшихся в голову.

До меня не сразу доходит сказанное им... Пока я не вспоминаю, какое зрелище он сейчас наблюдал. Ох, нет! Нет! Только не он, только не так. Ну почему наша встреча должна быть такой? Почему она вообще состоялась? Я ведь уже почти

поверила, что этот кошмар закончился. Что не будет его больше в моей жизни.

- Позволь мне уйти и больше ты меня не увидишь. Я не знала, что...

- Что не знала, а? - он делает шаг в направлении меня и хочется кричать, вопить, рвать на себе волосы. Что угодно, лишь бы он больше не приближался. - Что будешь отсасывать в моём клубе? - его улыбка становится торжествующей и мстительной. О, Боже, только не это. Пусть оставит меня.

Но в его планы это не входит.

Он желает моей смерти. Я вижу это по его глазам. Чувствую его мощную звериную энергетику, что обрушивается на меня лавиной, обещая похоронить меня под собой. Забросать обломками нашей прежней любви и больше не дать встать на ноги.

- Прошу... - я и тогда так говорила. Молила его. Падала на колени. Только моего Димы уже не было. Остался лишь Каин.

- В мой багажник эту суку! - приказывает он своему прихвостню, глядя мне в глаза. И я узнаю этот взгляд. Его я никогда не забуду.

Глава 3

Захожу в «Пульсар» и обречённо вздыхаю. Бля... Чем я думал, когда купил этот грёбанный клуб? Это же бездна!

Ни выручки, ни расслабления. Работнички «по объявлению», разбавленное бухло и потасканные, вечно обдолбанные стриптизёрши.

Смотрю по сторонам и отмечаю, что народу почти нет, официантки, шлюхи, вместо работы лясы точат у бара.

– Сука, предупреждал же этого еврея, чтобы за ум взялся! – рычу, глядя на грязные столы и пустые бутылки на танцполе.

– Так может ему популярнее объяснить, а, Саныч? – Васёк подаёт свежую и, надо отметить, самую здравую мысль в этом случае.

Смотрю на этого придурка и понимаю, что он один здесь, кто действительно знает своё дело.

– Сам уокошу. Стой здесь, скоро на сходку поедем.

Иду в кабинет этого утырка Марика, намереваясь вкатить ему по первое число и выкинуть нахрен отсюда. Я не предупреждаю дважды.

Застываю в дверном проёме.

Ну ни хрена же себе! Пока там, в зале полный срач, он пихает какой-то тёлке в рот свой обрезанный писюн!

Работничек, блядь!

Марик испуганно пятится назад, видимо, осознавая своим скудным умишком, что это край. Девка остаётся сидеть на полу, хотя я уже что-то сказал Марку и моё присутствие не может быть не замеченным. Она сутулится и, кажется, ревёт.

Купельман что-то мямлит, оправдываясь, но я не слушаю его. Отчего-то моё внимание приковано к шлюхе, которая с каждой секундой всё больше сжимается, словно боится.

Внезапно девка подпрыгивает на ноги и несётся мимо меня. Её светлые волосы бьют меня по лицу и... Я, кажется, рехнулся. Потому что, только что ощутил очень знакомый запах детского шампуня.

Варвара всегда пользовалась детским шампунем и мне иногда приходилось объехать всю Москву в поисках почти исчезнувшего из продажи «Кря-Кря» с этим сладким грушевым запахом. Каким же дятлом непроходимым я был тогда...

Замечаю у своих ног какую-то тряпку. Видимо, пальто девицы.

Не знаю почему, но очень захотелось увидеть её лицо, хотя и осознаю, что это не может быть она.

Подхватываю тряпье и иду за ней. А с бабой-то что-то явно не то. Она не уходит, она убегает. Летит, сломя голову, сбивая всех с ног.

Что за хрень?

Кричу Ваську, чтобы задержал её и что-то ору ей, но слабо соображаю что именно.

Вот же блядство-то!

Какой-то запах дешёвого шампуня и я становлюсь овощем.

Васёк крепко держит девчонку и она, отпихнув его ладонями, поворачивается ко мне...

Твою же мать!

«Варя», – почти срывается с моих губ, но усилием воли заставляю себя заткнуться. Она не достойна того, чтобы я её по имени звал. Шлюха – вот её имя!

Пару мгновений просто плююсь на неё во все глаза. В башке полный сумбур, а по венам медленно, но верно разгорается пламя.

Красивая...

Всё такая же, до умопомешательства охуенная! Сколько лет прошло, а она не изменилась ни на йоту. Ни одной, сука, морщинки, ни одного лишнего килограмма в ней.

И от этого ещё больнее. Как бы я хотел сейчас увидеть перед собой спившуюся запухшую бабу, чтобы до блевоты, чтобы мои демоны, наконец, потешились

всласть.

Тварь...

Дыхание перехватило и не отпускает. Чувствую как пульс зашкаливает, а руки сами сжимаются в кулаки. Убить суку. Просто вывезти в посадку и закопать. Живьём. Чтобы орала и жрала землю. Чтобы её последний вдох был таким же жутким, как моя жизнь.

Ненавижу...

Грёбаная тоска всколыхнулась внутри, а во рту появилась горечь. Какого хера я всё ещё пускаю слюни на эту тварь?!

Я семь лет гнал от себя мысли о встрече с этой блядиной! Я запрещал себе видеть её, слышать о ней, думать. Сколько раз я хотел наплевать на свои принципы и найти эту тварь. Найти и закончить то, что начал тогда. Так было бы правильно. Просто перерезать ей глотку и выкинуть на обочину, где ей и место.

Грохнуть и забыть как страшный сон. Как будто её вообще не было. А воспоминания о большой и «чистой» любви – всего лишь пьяный бред.

Но я держался. Не потому, что не хотел лишать эту суку жизни. Нет, я очень хотел! Но знать, что она осталась без своего папашки, одна, брошенная и несчастная, было приятнее. Пусть живёт, тварь, и помнит, что это именно она убила всех членов своей насквозь прогнившей семейки.

Семь лет!!! Я горел и желал ей всех мук ада целых семь лет!

И что?

Как будто не было их!

Опять чувствую себя никчёмным планктоном под её ногами. Одного взгляда хватило, чтобы член стал колом, а перед глазами заплясали красные огни.

Если продолжу пялиться на неё, рассыплюсь на атомы. Уничтожу сам себя.

Вспомни, Каин! Вспомни, что эта мразь сделала с тобой! Вспомни всё и даже не думай поинтересоваться у неё, почему она в таких лохмотьях стоит. Не спрашивай, что она делала здесь. Что, после смерти папеньки некому найти клиентов? Сама пошла по злочным местам? Уже устраивают и такие отбросы как Марик? Ха, блядь!

Вот у Марика и поинтересуюсь, разумеется, перед тем как отрезать ему голову. Даааа... Это будет приятно.

Тут же вспоминаю, в каком виде застучал её и ярость заполняет меня полностью. Она бурлит во мне как кипяток, обжигая внутренности, и я чувствую как мой мозг отключается.

Эта тварь пришла в мой клуб и отсасывала моему шестёрке!

Она, конечно же, не могла знать, что это моё заведение, но ведь дело-то не в этом вовсе. Дело в том, что я, спустя столько времени, всё же увидел это вживую...

И мне, пиздец, как больно сейчас! Как тогда, впервые. Когда я узнал, что моя любимая жена, за которую готов был отдать свою жизнь, обычная проститутка. Нет, не обычная. Валютная. Потому что её папочка подкладывал под богатых дяденек.

Трахалась с ними, пока я выгрызал зубами наше будущее. Пока топил в крови всех, кто мог помешать мне сделать её счастливой.

Смотрю на неё и понимаю, что не отпущу теперь живой. Больше нет. У неё был шанс начать свою никчёмную жизнь заново. Ну или сдохнуть на панели. Но судьба сама привела её ко мне. И в этот раз я не оставляю её в живых.

Глава 4

Так холодно...

Словно меня окунули в ледяную прорубь. И дело даже не в том, что я без пальто в багажнике машины. Дело в страхе, мерзком, липком... Он пробирается под кожу и заставляет умирать, медленно, постепенно, мучительно.

Как долго я здесь? Не знаю. Возможно, пару часов. Может меньше. Но ощущение такое, как будто меня заперли здесь навечно.

Невыносимо.

Чувствую как сознание покидает меня, но я хватаюсь за него, сжимаю кулаки и стучу ими по крышке багажника. Я сейчас думаю не о том, что ждёт меня. Лишь о моей маленькой девочке все мысли. Не имею права умирать. Я должна бороться ради неё, ради её будущего. Чтобы Каин не задумал, пусть только не убивает. Она не выживет без меня.

От рыданий заложило нос, а кляп во рту не даёт дышать. Хотя бы вдох, хотя бы один маленький глоточек воздуха! Прошу...

В сознании проносятся кадры с шестого дня рождения моей малютки.

Она со счастливой улыбкой распаковывает подарок.

– Мама! Это же та самая кукла! – радостно визжит моя малышка и тянет ручки, чтобы обнять меня.

Эту куклу, на первый взгляд ничем не примечательную, мы увидели в витрине магазина детских игрушек и Дана влюбилась в неё с первого взгляда.

Увы, цена игрушки напоминала, скорее, телефонный номер, но отказать своей девочке я не смогла. Что такое деньги по сравнению со счастливой улыбкой самого дорогого в мире человека.

– Всё для тебя, мой тигрёнок, – целую её в щёчку и сердце наполняется теплом.

– Мамочка, а ты же не бросишь меня? – её светлые глазки смотрят на меня с надеждой и мольбой.

– Что ты такое говоришь?! Никогда! Ты что, Дана?! С чего ты взяла, что я тебя брошу?!

– Просто... Потому что я не такая как все, – шепчет моя девочка и опускает головку, словно она в чём-то провинилась.

– Да, ты у меня не такая как все. Ты особенная! Ты же ангел, забыла? – глотаю слёзы и выдавливаю из себя слабую улыбку.

Ангел...

Из полубморка меня вытаскивает какой-то шум и поток яркого света, направленного мне в лицо.

– Бля, какого хуя ты ей рот заткнул?! У неё же нос закладывает! – надо же... Он помнит такую мелочь.

Кляп исчезает и я судорожно втягиваю воздух, которого даже сейчас почему-то не стало больше. Голова кружится, а в висках стучит. Неужели такой будет моя последняя минута?

– Так она орала как бешеная, шеф! – оправдывается тот урод, что закинул меня в багажник.

– Иди на хер отсюда! Свободен до завтра! – голос Каина раздражён. Впрочем, это как всегда.

– А сходка? – растерянно бормочет охранник, видимо, не семи пядей во лбу. Любой здравый человек не стал бы приставать к Каину, особенно, когда так зол. А он зол. Он в ярости. Я это вижу даже в темноте. Чувствую, как ненависть и презрение исходят от него волнами, что топят меня в пучине безысходности.

– Пошёл отсюда! – он подхватывает меня на руки и вытаскивает из багажника. – На меня смотри! – хлопает по щекам, но мне трудно сфокусироваться и кислорода всё так же катастрофически не хватает. – Варя... – всё-таки он произнёс моё имя. С этой мыслью, надо бы заметить, очень глупой и совсем ненужной на данный момент, я лечу в пропасть. В какую-то страшную чёрную

дыру, которая неумолимо засасывает меня, чтобы поглотить навсегда.

* * *

Смотрю на бездыханное хрупкое тело в своих руках и не верю, что это она. Та, что лишила меня сердца. Вырвала его из груди своими маленькими коготками...

Сука!

Какого хрена я испытываю к этой твари жалость?!

Она не достойна даже этого! Она должна вызывать у меня лишь отвращение и ничего больше.

Закидываю её на заднее сидение и сажусь за руль.

Выдыхаю, пытаюсь унять чертей, что устроили во мне адский вертеп.

Смотрю на неё в зеркало и понимаю, что не смогу... Не смогу грохнуть эту дрянь. Любого могу. А её нет.

Зачем вообще я её везу к себе домой? Эту падаль...

Почему не отпустил?

Пусть бы катилась на все четыре стороны. Но нет, своим появлением она пробудила всех моих демонов, что так долго ждали мести. Но ведь я отомстил.

Легче не стало.

И никогда уже не станет.

Я по прежнему во власти этой стервы в облике Агнца Божьего.

Пролетаю на красный и сворачиваю к своему дому.

Поворачиваюсь назад и, глядя на её бледное лицо, задаюсь вопросом, что я буду с ней делать? В башке полный сумбур. Не понимаю себя. Не понимаю...

Перед смертью Марик рассказал, что она пришла устраиваться на работу. Блядство... Кто бы мог подумать? Варвара Земская – стриптизёрша! Вот, чего ты достойна.

Новость о том, что в моем клубе она была залётной птичкой и отказывалась обслужить Марка меня почему-то порадовала. Хотя, какое мне дело? Не всё ли равно? Да и она, скорее всего, просто цену себе набивала перед Купельманом. Тем не менее, резать глотку этому еврейшке было еще приятнее. Какой бы не была шлюха Земская, она до сих пор принадлежит мне.

Почему?

Я так решил.

* * *

Во рту горько и очень хочется пить. Открываю глаза, пытаюсь определить, где вообще нахожусь и искренне надеюсь, что Каин мне просто приснился. Явился в очередном кошмарном видении.

Обречённо стону, когда вижу его лицо. Он склонился надо мной и что-то тщательно высматривает.

– Очухалась? – злая усмешка.

– Где я? Зачем я здесь? – приподнимаюсь, верчу головой силясь понять, что происходит.

Это его дом? Господи, что он задумал?

– Слишком много вопросов для шалавы, услуги которой я уже оплатил. Твой рот будет занят кое-чем другим сегодня. Впрочем, тебе ли не знать, ведь это твое излюбленное занятие, да, шлюха?

– Что? О чём ты?

– О том авансе, который ты получила от марка через третьи руки. Так, на всякий случай, это мои деньги. Странно только, что ты бабки получила до того, как тебя приняли на работу. Но раз уж так вышло, придётся отрабатывать в срочном порядке, – наблюдает за переменами на моём лице и, по всей видимости, испытывает садистский кайф, который, наверное, испытывает маньяк перед тем, как расчленить тело своей жертвы.

Я никогда бы не упала на колени перед этим ублюдком. Не ползала бы у него в ногах, не умоляла слёзно пощадить. Все свои слёзы я выплакала в ту ночь, когда он покалечил мне жизнь.

Но я теперь не одна. Дома меня ждёт мой маленький бескрылый ангелочек, которому не выжить без меня в этом жестоком мире грязи и крови.

И я понимаю, что должна выбраться любой ценой. Пусть даже так.

– Умоляю тебя! Слышишь? Ради той любви, что у нас была! Отпусти! Мне нужно, понимаешь, нужно уйти! – хватаю его за руку и опускаюсь на колени.

Унизительно. Обидно. Но мне на это наплевать. Я не знаю сколько сейчас времени и что с моей малышкой. И от этого еще страшнее. Не за себя боюсь. За дочь, которой я пообещала не бросать её никогда.

– Ради любви, говоришь? – он хохочет и брезгливо выдергивает свою руку. – Что ты знаешь о ней, сука?! – замахивается, но бьёт.

– Прошу, сделай со мной, что хочешь! Я отработаю деньги любым способом! Только отпусти меня!

Каин отходит от меня, а я так и остаюсь сидеть на полу, не смея подняться или даже посмотреть на него.

– Конечно, ты отработаешь. Даже не сомневайся.

* * *

Как же я хочу эту суку!

Невыносимо. До боли, до бешеного крика, который подавляю с невероятным усилием. Она стоит передо мной на коленях. Это именно то, чего я жаждал все эти годы.

Вернее, я так думал.

Теперь же это не доставляет мне наслаждения. Нет того иступлённого кайфа, который я испытывал когда её папаша сжёг себя в своём доме вместе со всей гнилой семейкой.

Не потому, что боль со временем притупилась. Нееет... Она стала ещё сильнее, как только увидел снова эту дрянь.

Сжимаю челюсти, так, что ещё немного и начнут крошиться зубы.

Смотрю на неё и понимаю, что всё чего хочу на данный момент – трахнуть её.

Поставить раком, уткнуть лицом в ковёр и трахать дико, до потери пульса, пока она не сдохнет подо мной. Но и тогда меня не отпустит эта ярость. Потому, что она проникла мне в мозг как неизлечимая болезнь, как злокачественная опухоль. И вырвать её сил нет.

– Вставай, – наливаю себе добрую дозу вискаря и залпом выпиваю, словно воду. Ничего не чувствую, все ощущения собрались ниже пояса и требуют разрядки.

Боковым зрением наблюдаю как она поднимается на ноги и несмело поглядывает в мою сторону. Всё такая же непорочная невинность, блять. «Оскара» бы этой дешёвке.

– Скажи, что мне сделать, чтобы ты отпустил меня? – от её дрожащего тихого голоса становится тошно.

Жертвой прикидывается. Видите ли, она такая чистая несчастная, а я мудила, что испортил ей жизнь!

Но как бы мне не хотелось сейчас поиметь её, я не стану этого делать. Вообще было хреновой идеей привозить её в свой дом. Чего и кому пытался доказать? Что я имею власть? Что могу сделать с ней всё, что захочу и меня никто не остановит? Смешно. Она и так это знает. И я знаю.

– Проваливай, – она вздрагивает и медленно отступает к двери, словно не доверяя мне. Думает, я её не отпущу.

Что ж, в каком-то смысле ты права, Варенька...

– Спасибо... – всё так же недоверчиво.

– Не спеши радоваться, – поворачиваюсь к ней с ухмылкой, которую она очень хорошо знает. – Тебя отвезёт мой водитель. Он скажет тебе мой адрес и запишет твой. Вздумаешь меня наебать, я найду. Ты знаешь, что найду. Найду и оторву тебе башку. Поняла меня?

В её глазах сейчас можно увидеть собственную казнь. Она боится. Нечеловечески. А я с удовольствием отмечаю, что мне нравится этот страх. Тот ужас, что я у неё вызываю. Даааа, сука, да.

– Э...зачем? Зачем тебе мой адрес? – она впивается ногтями в свои ладони и сжимает кулаки так сильно, что белеют костяшки пальцев, но, по ходу, этого не замечает.

– Ты же мне должна, забыла? Правда, я пока не знаю, как ты будешь отрабатывать. Когда решу, за тобой приедут.

Она заметно расслабляется, но окончательно её не отпускает, руки всё ещё подрагивают и на ногах стоит нетвёрдо, словно пьяная.

– Хорошо. Я могу идти? – покорно заглядывает мне в глаза.

Знает, сука по чему бить. Знает все мои слабости и больные места. Только она не учла одного – я не тот влюблённый дурак. что был готов загасить весь мир в одиночку ради её блядской улыбки.

– Свободна, – пусть уходит на хрен пока я не накидался вискаря. Тогда уже ей не уползти отсюда живой.

Хотя, конечно, вру.

Сколько раз в пьяном угаре я грозился вырезать ей сердце? Не сосчитать. Но даже в таком состоянии, я знаю, что не смогу.

Грёбаная опухоль...

* * *

Отпустил! Господи, он отпустил меня!!!

На скорую руку записываю свой адрес и передаю листочек молчаливому водителю. Он наклоняется, смотрит в боковое окно и, убедившись, что улицу я записала правильно, кивает мне, позволяя выйти из машины.

Да, это плохо. Очень плохо, что Каин теперь не оставит меня в покое. Но я сейчас не думаю об этом. Забегаю в подъезд и, минуя лифт, бегу по ступенькам, лишь бы скорее увидеть свою малышку.

– Твою ж мать, Варька! Ты где была всю ночь?! Я уже хотела в полицию бежать! Ты же сказала, что на пару часов! – негодует Вика, но я, не разуваясь, пролетаю мимо неё в нашу с Даной комнату.

Открываю дверь и облегчённо выдыхаю.

– Всё в порядке...

Моя девочка сладко спит в обнимку со своей любимой куклой, а я просто подхожу к кровати и падаю на колени.

– Конечно в порядке, – уже шепчет Вика, чтобы не разбудить Дану. – А что с ней могло случиться? Я по – твоему что, ребёнка оставлю одного? – в голосе подруги проскакивают нотки обиды и я её очень хорошо понимаю.

Она заботится о моей дочери как о своей и в жизни не бросит её. Но пока я была у Каина... Столько мыслей страшных промчалось в голове, что представить страшно. Знаю, паникёрша. Но когда речь идёт о твоём ребёнке, любая мать лишится рассудка.

– Так, дорогая моя, что-то мне не нравится твоё настроение. Ну-ка, пойдём на кухню, – Вика в буквальном смысле хватает меня за «шкурку» и тащит за собой, а я всё ещё поглядываю на дочь и благодарю Бога, что позволил мне увидеть её еще раз.

Спустя полчаса Вике всё-таки удалось привести меня в чувство и я смогла, хоть и сбивчиво, заикаясь, рассказать ей о случившемся.

Так сложилось, что с подругой я познакомилась уже после того, как «рассталась» с бывшим мужем. Но по моим рассказам она поняла о ком идёт речь. Каин держит в своих руках львиную долю нашего города и рынок, на котором работает Вика – не исключение. Мы редко поднимали эту тему, но подруга хорошо знала, что за человек Дмитрий Каинов. Мало кто о нём не слышан...

– Попала ты, Варька, как кура в ошип, – констатировала Вика и смачно затянулась сигаретой.

– Дай сигаретку, а?

– Держи, – протянула мне пачку и я дрожащими пальцами выудила «палочку смерти». – Что делать-то теперь? Раз он адрес знает, значит, вам с Данкой сваливать надо.

– Ты прости, что я ему твой адрес дала, – меньше всего я хотела, чтобы у единственной подруги были из-за меня проблемы, но что, спрашивается, я должна была делать? – Он всё равно найдёт, Вик. Это же Каин... И когда будет искать, ты можешь попасть под раздачу. А так, я деньги ему его вонючие

отработаю и всё.

– Да ладно, нужна я ему сто лет. Да и не в деньгах тут дело. Ему эти копейки, сама должна понимать, что слону дробина. Смешно же, Варь. Каинов за пять рублей и жопу свою не поднимет с трона. Он просто тебя достать хочет, вот и бесится. Не наигрался, сука! – Вика зло стукнула кулаком по столу.

– Ладно, ты беги на работу, а то опоздаешь. А я пойду прилягу, сил моих нет, – вздохнула и засунула сигарету обратно в пачку, так и не решившись снова закурить. – Вечером поговорим.

Глава 5

Я хочу её увидеть. Хочу... Не знаю зачем. Не знаю почему. Ничего я уже, блядь, не знаю! Прошла целая неделя после нашей встречи, а я всё не нахожу себе места. Не могу спать, не могу есть. Дышать, мать его, не могу!

Запрещаю себе думать о ней и понимаю, что не могу. Я снова слаб. Опять не могу без неё... Столько лет тренировок насмарку.

Можно победить любого врага. Любого недруга можно казнить. Лишь одна война не имеет смысла. Когда ты её ведёшь с самим собой.

Каждый день я горю в этом грёбаном огне и нет мне спасения. Она засела в моей больной башке и никак её не вытащить, не вытравить оттуда.

Снова включаю грёбаное видео, которое должно отбить желание увидеть эту дрянь и просто бездумно пялюсь в монитор.

Когда я впервые включил его и обнаружил свою жену на коленках перед старым жирным боровом, труп которого давно покоится в земле... Земля тогда ушла из-под моих ног. Разверзлась пучина ада и засосала меня навеки.

Разумеется, я не верил. Не мог принять это. Как?! Как, блядь, моя маленькая девочка могла это сделать?!

Долгие часы всевозможных проверок на монтаж.

Зарёванная подружка Вари, что стоит на коленях передо мной и умоляет не убивать. Бесконечные повествования о том, как мой тесть подкладывал свою единственную дочь под толстосумов, среди которых оказался и я. О том, как подфартило старому ублюдку и его алчной семейке, когда один из «обработанных» решил жениться на юной шлюхе, чем обеспечил обанкротившейся, но, пиздец, какой благородной семейке, безоблачную и обеспеченную жизнь.

Затем, рыдания и крики молодой Вариной мачехи, пока её трахают два моих охранника по очереди. А он, ублюдочная сволочь смотрит на это сквозь слёзы и трясётся лишь за свою никчёмную шкуру.

Рассказывает мне, как моя любимая супруга «подрабатывала на хлеб» до меня, во время нашего брака и, он уверен, что будет и после.

Я смотрю в глаза этого скота и не вижу даже крупницы жалости к своей дочери, которую он так легко сдаёт в обмен на свою жизнь. Ему плевать. Как было плевать, когда отдавал её в руки безбашенному беспредельщику – мне. Продать своего ребёнка за бабки? Да легко!

И доили бы меня, лоха, еще долго, если бы не видеозапись, которой папашка решил шантажировать родную дочь. Вот что случается, когда человек не знает меры в своих низменных потребностях.

Было ли простым стечением обстоятельств то, что этот забавный фильм попал мне в руки, когда банально искал в сумочке жены ключи?

Тогда я об этом не задумывался – не до того было. Сейчас же понимаю, что нет, не было. Это судьба, карма, называйте как хотите. Но рано или поздно ты заплатишь за пролитую кровь своей кровью. В данном случае не буквально. Но лучше бы я заплатил за свои грехи одной из конечностей, чем душой и сердцем.

Вырубаю компьютер и закрываю глаза.

Башка трещит по швам. Душа желает убийств. А тело отказывается функционировать, пока её нет рядом. Достаяю мобильник и долго пялюсь на него, пытаюсь побороть внутренних демонов. Увы, они, оказывается, сильнее меня.

– Игорь, привези её ко мне. Сейчас.

* * *

Я устала бояться. Каждый день я просыпаюсь от кошмаров и дрожу от каждого шороха за дверью. Это уже начинает замечать Дана, а Вика и вовсе намекает мне на паранойю и подсовывает телефончик психиатра.

Замечательно.

Стоило Каину снова появиться на моём пути, как жизнь опять превратилась в ад. Спасибо тебе, папочка! Ты ушёл, а меня оставил со всем этим дерьмом наедине.

Но я видела деньки и похуже... А вот чего действительно опасаюсь, да что там, боюсь до дрожи в коленках! Так это того, что Каинов узнает о Дане.

Хорошо, если он не сложит два плюс два и не поймёт, что дочь его. Но я слишком хорошо знаю этого подонка. Он вывернет весь мир наизнанку и докопается до правды.

Как жаль, что тайну, которую унёс в могилу мой отец он так и не узнал...

Тот Каин, которого я знала, не стал бы вредить ребёнку.

Но страшно предположить, каким он стал сейчас.

И это повергает меня в жуткую бездну собственных кошмаров.

Поздним вечером раздался звонок в дверь и мне стало не по себе. Вика сообщила, что сегодня не вернётся домой, останется ночевать у друга, с которым у неё вроде как начинаются отношения.

Мне не особо нравились такие ночные «вылазки» подруги, но и запретить ей я не могла.

Достаточно того, что мы с дочерью занимаем её жилплощадь, что, несомненно, не способствует Викиной личной жизни.

Гостей у нас никогда не бывает, оттого чей-то ночной визит пугал ещё больше. Разумеется, первым делом я подумала о Каине и по спине пробежался холодок. Неужели... Он?

Мысленно успокаивая себя, тихонько подошла к двери и, встав на носочки, посмотрела в глазок.

За дверью стоял лысый мужик, вот совсем не похож на одного из Викиных ухажёров, с коими иногда мне приходилось пересекаться.

Подруга всегда любила смазливых мальчиков, над которыми я обожала подтрунивать, доводя подругу до белого каления.

Ночной гость же совсем не смахивал на смазливого и уж точно мальчиком не был.

Конечно же, сразу стало понятно от кого и по чью душу пожаловал этот мордорот. Открывать совсем не хотелось, но мужчина снова нажал на звонок и я испугалась, что Дана может проснуться.

– Вам кого? – набралась смелости, хотя выхода особо не было.

– Мне нужна Варвара, – равнодушным голосом оповестил мужик.

– Зачем? – в горле мгновенно пересохло.

– Её хочет видеть Дмитрий Александрович, – всё тот же полусонный голос начинает меня нервировать.

– Я не могу сейчас уехать. Скажите ему, что я... Завтра приду... Сама.

– Мне сказано привезти вас сейчас. Выходите, Варвара.

Я медленно выдохнула.

И что, спрашивается, теперь ты будешь делать, Варя?!

Господи... Ну почему именно сейчас?

Как я оставлю свою дочь одну?

– Я никуда не пойду! Передай своему хозяину, что я приду завтра сама! Уходи, иначе, я вызову полицию! – что же я творю... Внутри всё переворачивается от ужаса, но своего ребёнка я не оставлю в угоду этому подонку.

Пусть придёт и убьёт меня. Рано или поздно это всё равно произойдёт, но, возможно, до того времени я что-нибудь придумаю...

Хотя, конечно, глупо надеяться, что он так просто оставит меня в покое, как и глупо было угрожать его прихвостню полицией.

* * *

– Саныч, она отказалась выходить, – объявил Игорь и я в который раз убедился, что на меня работают одни дебилы.

Правда, я не думал, что Варька начнёт выпендриваться. Знает же, дура, что я не оставлю в покое. Так какого хера нервы мне трепать? Не исключено, что набивает себе цену... Но нет.

Что-то здесь не так.

Квартира в которой она проживает принадлежит не ей. Свою продала, но новую не купила, хотя там хватило бы на две «однушки» в центре города. Следовательно... Что? У неё кто-то есть?

Мужик? Едва ли он мужик, раз она по клубам шастает в поисках наживы. Хотя, если вспомнить меня... Я ведь тоже несколько лет оставался в неведении. Слепо доверял этой твари...

Что ж, сейчас всё сам и узнаю.

Поворачиваю ключ в замке зажигания, заводжу машину и срываюсь с места, словно одержимый. Эта тварь будет сегодня подо мной, или я не Каин. Она успокоит моих чертей хотя бы ненадолго, иначе, я просто сойду с ума окончательно.

Глава 6

– Открывай, сука, иначе, я сначала сломаю дверь, а потом то же сделаю и с твоей головой! Открывай, Ва... Тварь! – как умалишённый долблюсь в её дверь, мысленно уже трахая эту шалаву.

Блядь, даже не верится, что я когда-то любил эту потаскуху. Кроме ненависти и презрения не осталось ничего.

Вру, конечно.

Похоть осталась.

Яростная, больная, крышесносящая похоть!

Хочу разmozжить этой суке башку, а потом искупаться в её крови. Но сначала, естественно, оттрахать.

Так поиметь, чтобы искры из глаз. Чтобы слышать, видеть и чувствовать её последний крик и вздох подо мной. Чтобы подохнуть на ней и с ней.

Я грёбанный маньяк.

Помешанный на шлюхе ублюдок, который готов отдать жизнь за ночь с ней.

Варя... Драная же ты шкура! Сколько лет самобичевания, презрения и дикого воя по ночам... Всё, блядь, на смарку.

Стоило увидеть тебя и я снова болен тобой, тварь!

Возможно, во мне говорит литр вискаря, который я приговорил по дороге, а может старая незаживающая рана. Хотя, скорее всего, и то и другое. Всё вместе.

Дверь тихо открывается и я заносу кулак, чтобы сломать нос её хахалю, но в проёме появляется она...

Лицо красное.

Она всегда краснеет когда долго плачет.

Долго не раздумывая, хватаю её за горло и, толкнув к стене, закрываю за собой дверь.

– Дима... Прошу... Не надо, не сейчас. Умоляю, – хнычет и, сопротивляясь, упирается лбом мне в грудь.

Бля... Когда-то я называл её крохой, за её маленький рост. Хватал её одной рукой и таскал по дому как куклу. А она даже не сопротивлялась. Просто хихикала мне в шею и ждала пока я наиграюсь.

Варя... Варенька моя.

Боль в груди не даёт дышать. Хочу ударить, порвать, искалечить... И понимаю, что не смогу. Не могу, мать её, не могу!

А ведь однажды смог.

До сих пор по ночам вижу её окровавленное лицо. Вспоминаю как избивал её. Что тогда случилось со мной? Как мог я – Каин! – избить бабу?! Тем более свою.

Тем более, которую так любил!

– Делай, что задумал. Я всё стерплю. Я заслужила, – гладит меня по щеке, зарываясь пальцами в отросшую щетину. – Делай, что хочешь и уходи.

Пару секунд я просто наблюдаю за ней. Покорная, ко всему готовая, на всё согласная. И говорит вполголоса. Догадка озаряет мой затуманенный алкоголем и похотью мозг.

Не одна.

В квартире есть кто-то ещё!

Боится разбудить своего ебарька. Потому и ведёт себя примерно.

* * *

Он, словно ураган врывается в квартиру. Что там в квартиру. В мою жизнь.

Снова.

Чтобы покалечить, добить. Уничтожить.

Я хочу закричать, но его рука, что так сильно стискивает моё горло не даёт. И хорошо. Только бы не проснулась моя малышка. Только бы он не увидел её. Когда он был в таком состоянии последний раз, она стала инвалидом, еще не родившись.

Не приведи Господь, этот изверг что-то сотворит с моим ребёнком...

Он застывает на какое-то мгновение и пристально вглядывается в мои глаза, словно пытается прочесть мои мысли. О, я очень хорошо знаю этот взгляд. Взгляд КАИНА!

Бессердечного чудовища, которому не составит труда свернуть человеку шею.

Внезапно он отталкивает меня и я падаю, ударяясь затылком о стену. Сквозь пелену слёз и тумана вижу, что он направляется к нашей с Даной спальне и в моих висках начинает стучать кровь.

Нет! Нет! Только не она!

– Не трогай! – хриплю и на четвереньках, как животное, бросаюсь за ним. – Не смей! Нет! – мой голос охрип и больше напоминает карканье, но я продолжаю кричать. – Молю тебя, Дима! Каин! Не трогай!

Он останавливается у двери и медленно поворачивается ко мне.

– Боишься за него? – его губы, которые я когда-то считала самыми нежными и чувственными, растягиваются в ухмылке. Злой и холодной.

Он поворачивает ручку двери правой рукой, а левая сжимается в кулак.

– Каин, нет! Не трогай! – из последних сил хватаю его за ноги и замираю.

Он застывает вместе со мной и я несмело поднимаю голову.

Нахмурившись, Каин смотрит на мою девочку, что в свете крутящегося ночника с гномиками и единорогами, спит сладким сном и даже не подозревает, какое чудовище притаилось у её кровати.

Его взгляд охватывает детские костыли, инвалидную коляску и возвращается к Дане, что тихонько посапывая, обнимает свою любимую куклу.

– Умоляю, не трогай...

Он резко отступает назад и плотно прикрывает дверь.

– Я, по – твоему, ублюдок, который станет убивать ребёнка? – зло бросает мне в лицо, подхватывая меня за шиворот.

– Нет, нет... Прости, – шепчу онемевшими губами, хотя хочется кричать.

«Да! Да, ублюдок! Ты её и искалечил!»

Но молчу. Упрямо стискиваю челюсти, что бы не закричать, не привести в исполнение свой смертный приговор, который он уже давно вынес мне.

Он тащит меня за «шкурку», открывая комнату Вики и, заглянув туда, включает свет. Бросает меня на пол и приседает на корточки рядом.

– Твоя девчонка? – на удивление, его голос спокоен.

– Нет... Моей подруги дочка, – я так хочу сказать ему правду. Так хочу обо всём поведать. Чтобы знал. Чтобы чувствовал ту же боль, что и я...

Но не могу.

Либо он заберёт у меня мою малышку, либо... О втором «либо» я думать не хочу. Проще соврать. Пока...

Он больше не говорит ни слова.

Наваливается на меня и я слышу противный треск ткани – моя пижама разрывается на лоскуты.

Каин раздвигает мне ноги, а я лишь покорно замираю, позволяя ему делать всё, что он хочет.

Пусть...

Поджимаю губы и закрываю глаза когда горячая головка его члена протискивается между моих сухих складочек и судорожно выдыхаю.

Его член разрывает мою плоть, входит в лоно и начинает остервенело двигаться во мне.

Тихо всхлипываю и снова замолкаю, проваливаясь в тишину перед погружением в которую слышу:

– Будь ты проклята, сука...

* * *

Будь ты проклята. Будь я проклят. За то, что хочу её, за то, что так хорошо с ней.

Погружаюсь в неё снова и снова, ощущая горячий бархат её кожи. Её запах. Запах этого ебучего «Кря-Кря».

Как бы мне не хотелось освободиться от неё, это невозможно. Даже если убью её. Всё равно эта дрянь будет преследовать меня всю жизнь. Её глаза. Улыбка. Ничего не проходит. Ничто время не лечит. Лишь притупляет боль и эмоции, что обжигали сердце и душу становятся равнодушнее, холоднее. Но это только до той поры, пока ты не встретишь её снова. Не вдохнёшь её запах. Не ощутишь прикосновение её ладоней у себя на груди.

А потом всё...

Снова в пропасть.

Только сейчас я осознаю, что до сих пор помню каждый изгиб её шикарного тела. Каждую эрогенную точку и этот взгляд...

Она смотрит на меня широко распахнутыми глазами, зрачки расширены, дыхание сбилось с ритма.

Хочет меня.

Я чувствую. Знаю это.

Внутри что-то переворачивается. Что-то замыкает и я закрываю её лицо ладонями. Не хочу видеть, не хочу, чтобы смотрела.

Потому что до края осталось совсем немного. Я запретил себе думать об этом. Запретил себе прощать её. И я не прощу. Не обманут меня больше эти блядские глаза.

Трахаю дико, остервенело. Так глубоко и жёстко, что она задыхается и морщится от боли. А мне это и нужно. Лишь голый секс, освобождение. Хоть не длительное расслабление. Иначе взорвусь.

* * *

Он вонзается в меня с такой яростью, что я ощущаю её кожей. Каждой частичкой своего тела. Где-то на краю подсознания я понимаю, что мне сейчас должно быть адски больно, но не чувствую ничего, кроме животного страха за свою дочь.

Пусть искалечит меня, пусть хоть убьёт. Только бы её не тронул.

Эта мысль, что острой иглой пронзает мне разум, не даёт закричать или попытаться дать ему отпор. Я просто лежу и жду... Когда всё это закончится. Когда очнусь ото сна. Страшного сна, что, судя по всему, воплотился в жизнь. Кто-то воскресил мой самый дикий страх...

Каин.

Смотрю в его глаза и перед глазами проносятся картинки из прошлого. Такого далёкого, что кажется, это тоже был сон...

Я в свадебном белоснежном платье.

Кольцо...

Поцелуй...

Он несёт меня на руках, не отводя влюблённого взгляда от моего лица...

Как давно это было. А было ли? Сейчас, глядя на этого изверга, я понимаю, что всё было иллюзией. Моими детскими наивными мечтами.

Не было любви. Не было.

Не может любящий человек так жестоко обойтись со своей женщиной.

Каин закрывает мне лицо руками и продолжает свою пытку, а я, безвольно раскинув руки в стороны, покоряюсь его звериной похоти и жду...

Он входит в меня до конца и замирает. Чувствую как его плоть пульсирует во мне, чувствую влагу, которой становится так много... И с ужасом осознаю, что он кончил в меня.

Отдышавшись, молча поднимается и застёгивает штаны.

На его лице нет ни единой человеческой эмоции. Лишь равнодушие. Холодное и мёртвое как и его сердце.

Так же молча поднимаюсь с пола и хватаю с кровати Викин халат. Укутываюсь в него, словно эта тряпка способна защитить меня от Каина.

В горле застрял ком, а слёзы непроизвольно текут по щекам.

– Часть долга ты отработала, поздравляю, – ледяной тон Каина повергает меня в пучину боли, а руки сжимаются в кулаки.

Он по прежнему считает меня проституткой.

Пусть.

Так даже лучше.

Отработаю ему этот чёртов аванс и забуду всё. Снова.

– Мама? Мамочка! – из соседней комнаты раздаётся крик моей девочки и я, словно обезумев, несусь мимо Каинова, совершенно не обдуманно, надо заметить...

– Я иду, моя маленькая! Иду, доченька! – врываюсь в комнату, где на кровати мечется моя Даночка – ей снится какой-то детский кошмар, а я замираю у её

изголовья, осознав, что Каин всё слышал.

Глава 7

Твою же мать!

Это её дочь!

Она поворачивается ко мне и я вижу дикий ужас, застывший в её глазах. Как тогда...

Подхожу ближе к кровати и почему-то становится хреново на душе, когда снова натыкаюсь взглядом на костыли. Так паршиво, словно в рожу помоями плеснули. Мелкая инвалид? Или, быть может, ногу сломала?

- Что с ней? - задаю глупый вопрос, абсолютно не к месту.

Слышу как она нервно сглатывает - боится, что я девчонку обижу? Дура набитая. Столько лет знала меня. Одно дело всыпать жене-шлюхе, совсем другое - обидеть ребёнка. До этого я никогда не опускаюсь, каким бы зверем не стал.

- Врождённая травма позвоночника. Родилась такой, - в её шепоте улавливаю нотки презрения и злости.

Как будто я виноват в её бедах. Да, дорогуша. Со шлюхами такое случается. Мыслимо ли, подставлять свою щёлку всем подряд!

Скорее всего, даже не знает, сука, кто папаша. Скриплю зубами и снова хочу припечатать ей между глаз. Нет, что бы о дочери заботиться, пошла по клубам своей дыркой зарабатывать.

Зарабатывать... Стоп, это она ради мелкой что ли?

Тут же отгоняю от себя грёбаную жалость. Мне какое дело? Да и до рождения ребёнка, будучи женой денежного мешка, она не брезговала чужими хуями. Так что, этот вариант отмечаем сразу. Есть сильные женщины, которые ради своего ребенка пойдут сортиры драить и объедки со столов убирать, а есть – такие. Которым проще раздвинуть ноги и отработать, лёжа на спине.

– А отец кто? – с издёвкой спрашиваю и поворачиваюсь к ней.

Хочу увидеть её глаза, когда дрянь будет давить на жалость и рассказывать слезливую байку об изнасиловании, ну или что там шлюхи сочиняют в подобных случаях...

– Не важно. Он умер, – мне кажется, или я слышу грусть?

Мастерица сочинять, что тут скажешь.

– Сколько ей? – сам не знаю, почему задаю эти вопросы.

Просто, наверное, пора уходить, но мне отчего-то не хочется.

Бывшая жена. Потаскуха. Тварь, которой место на трассе...

Я только что поимел её как животное – на полу.

А уходить, блядь, не хочу.

В который раз злюсь на себя за эти долбанные эмоции, что она вызывает во мне одним своим присутствием рядом. Ненавижу. И себя и её.

– Пять, – коротко отвечает и поворачивается к двери. – Тебе пора, Дима.

– Да, действительно, пора. Завтра за тобой заедут. И не смей больше динамить меня, а то в следующий раз так легко не отделаешься, – выхожу из комнаты и направляюсь к входной двери.

Она несётся за мной. Сука... Оставь меня в покое сейчас, а то ведь не сдержусь. Опять залезу на тебя. И не факт, что выберешься из-под меня живой!

– Подожди, Дима! Да послушай же меня! – хватает меня за руку. – Ты же сам видишь, не могу я дочку одну оставить...

– Тогда номер свой запиши, я позвоню, договоримся... Когда сможешь, – ебучий нытик! Опять! Опять я иду на поводу у этой стервы!

Какое мне дело вообще до её удобства?!

Но сказанное не вернуть. Стою, жду пока она впопыхах царапает мне свой телефон.

Красивая дрянь. Даже сейчас, с взлохмаченными волосами и заплаканными глазами... Такая красивая, тварь.

Что же ты за зараза такая, Варвара?

– Вот... – протягивает мне клочок бумаги и отшатывается назад, когда я резким движением выхватываю его.

Вылетаю на улицу и, сделав рваный вдох, устремляю взгляд в ночное небо. Легче не стало. Ни физически, ни морально. Каждая мышца в теле ноет от напряжения, а глаза застилает всё та же красная пелена.

Комкаю в руке бумажку.

Выбросить.

Выкинуть её номер.

Забуть её адрес.

Вырвать её из головы.

Ведь смог же однажды. Хрипло смеюсь. Смог. Оставить её смог, но не забыть. И теперь всё вернулось с удвоенной силой. Похоть. Нечеловеческое притяжение. Боль. Адская, раздирающая на лоскуты!

Засовываю скомканный листик в карман и иду к машине.

Обязательно выброшу. Потом.

Давлю на газ и разгоняю тачку до предела.

В голове то и дело всплывает образ девчонки. На кого – то она похожа... На Варьку, скорее всего. В полутьме даже не разглядел толком, но отчего – то уверен, что у мелкой волосы пахнут также сладко, как и у её горе-мамаши.

Да, жалко ребёнка. Она-то ни в чём не виновата. Просто с маманей не повезло. Но таких детей уйма. Я сам детдомовский. Что поделать, это жизнь.

Ловлю себя на мысли, что надо было оставить денег этой курице. Вернее, не ей, а девчонке. А мамаша потом отработает, ей не привыкать. Хм... Даже имени девочки не спросил.

С силой бью по рулю.

Да чтоб тебя!

И зачем я вообще зашёл в ту комнату? На хрена мне это знать?!

И снова возвращаюсь мыслями к девочке. Что-то не то... Она сказала, пять лет? Странно... Мелкая инвалид с рождения, но выглядит старше и это при том, что Варька сама маленькая ростом...

А, видимо, папаша крупный был.

При мысли, что мою бывшую трахал другой (очередной!), опять накрывает с головой.

Домой. Нажраться и забыться в пьяном угаре. Чтобы не думать. Не вспоминать.

Всё-таки было наихреновейшей идеей ехать к ней. Только хуже себе сделал. Снова.

* * *

Ушёл. Слава Богу, он ушёл. Изверг. Чудовище.

Ощущения вернулись и я отчётливо почувствовала саднящую боль в промежности. Скотина! Мало ему было избить меня! Нужно вернуться через столько лет и снова истязать!

Одно радует – поверил, что дочь от другого. Хоть тут меня малодушие и страх не подвели и не заставили во всём признаться. Даже подумать страшно, что бы он предпринял, узнав правду.

Забрал бы у меня мою малышку, как пить дать. Не потому, что она ему нужна. Едва ли такому ублюдку вообще кто-то нужен. Просто, чтобы ударить меня побольнее. Как будто того, что уже сотворил мало.

Возвращаюсь в спальню, где тихонько посапывает моя девочка и тихонько ложусь рядом с ней. Я не дам тебя в обиду, моя жизнь. Никому. И ему тоже не дам. Не посмеет он нас тронуть. Я глотку разорву ему собственными зубами, но не позволю.

В память врезаются ужасающие картинки из прошлого, а затем и произошедшего сегодня. Пусть делает, что пожелает со мной. Я вытерплю. Дам ему ещё пару раз, не развалюсь. Зато потом избавлюсь от Каина. И на этот раз уеду со своей малышкой далеко и навсегда. Чтобы больше не встретить его даже случайно.

В груди отзывается тупой ноющей болью надежда... Ради которой я пошла в тот треклятый клуб. Ради которой была готова торговать своим телом. Операция... Что теперь? Где найти деньги? Ведь времени у нас осталось совсем немного. Скоро операция не поможет и тогда Дана потеряет шанс стать на ноги...

Глава 8

– Папа, нет! Я не хочу! Не стану этого делать! Это мерзко! В конце концов, я твоя дочь! Как ты можешь быть таким жестоким?! Что сказала бы на это мама?! – я плакала, билась в истерике, заламывала руки... Да только всё бестолку.

Старый подлец был непреклонен.

Сколько я не умоляла его не делать этого с мной – он не хотел даже слушать свою дочь, мотивируя свой поступок тем, что слишком много вложил в неблагодарных пигалиц, которые в итоге, должны помогать своей семье, ибо пришло время «окупаться».

Да, именно это слово он произнёс.

Именно так.

Земской был чёрствым и ко всему равнодушным человеком. Ко всему, кроме денег.

«Нищета унижает человека, похлеще жалости!», – так он твердил и шёл по головам с этим девизом, не обращая внимания, что этим ранит чьи-то души и калечит судьбы.

У меня случилась истерика и тогда он всё же отступил.

Вернее, я так думала.

Наивная избалованная девчонка, так фанатично верующая в семейные ценности.

После смерти нашей с Катей мамы, Земской женился на молоденькой алчной «силиконовой долине», которая с прожёрливостью удава поглощала денежки старого болвана и ничуть не заботилась о том, каким и чьим трудом они достаются.

И вот, наступил тот момент, когда отец понял – край. Конец шикарной жизни, конец всем материальным благам, без которых он не сможет жить. Да и зачем так жить? Это не жизнь, а существование!

Погрязнув в долгах, Земской ещё долго пытался играть на публику, делая вид, что его фирма твёрдо стоит на ногах, но как только в стране начался очередной кризис, наружу вылезли все его ухищрения и враньё. «Алексей Земской – банкрот!», – вещали первые страницы деловых газетёнок, а инвесторы и партнёры испарялись с «поля боя» с завидной скоростью.

Вот тогда – то отец и решил, что дочерям пора послужить во благо семьи, а вернее, его кармана.

Первой на алтарь своего благополучия Земской положил тихую забитую Катю, которая в отличии от своей сестры-близняшки не посмела спорить с отцом и выполняла всё, что велел ей старый подонок. Хотя на её месте должна была быть я... Если бы не отказалась. Если бы подумала, чем всё это может обернуться и пожертвовала собой ради сестры.

После окончательного разорения своей некогда процветающей, а в последующем «мертвой» фирмы, Земской открыл новую и занялся «бизнесом», о котором я не догадывалась долгое время и лучше бы никогда не узнала... В тот день когда мне стало известно на какие деньги я живу, мир померк, потерял краски и радость каждого дня. Тогда умерла первая частичка моей души.

Через год моя сестра исчезла. Просто не стало её, словно никогда и не было. До сих пор вспоминаю её... И мне иногда кажется, что это не воспоминания, а всего лишь игра моего воспалённого подсознания. И лишь та проклятая видеозапись из-за которой моя жизнь окончательно рухнула в пропасть, доказала, что сестра всё-таки была...

В один «прекрасный» день я вернулась с отдыха за границей и не нашла Катю. Исчезло всё, что могло хоть как – то о ней напоминать. Даже фотографии... Все до единой фотографии исчезли. Не было и её вещей. Ничего. Пустота!

– Папа, а где Катька? Она съехала что ли? – задала тогда логичный на мой взгляд вопрос, но ответом мне послужил лишь краткий взгляд Земского и слова, которые до сих пор звучат в моей голове.

– Её больше нет. И не было. Забудь.

– Пап, ты что?! Как нет? Где Катя?! – завопила, что было сил, но хлёсткая пощёчина обожгла щеку и ввела в состояние шока.

Да, отец был той ещё сволочью. По сути, он в нас и детей своих никогда не видел. Так, просто приложение. Мелкий бонус. Подобие семьи. Чтобы как у всех.

Единственный, к кому этот мудака относился по-человечески – наш с Катей сводный брат Артём. Высокий голубоглазый красавец, главная причина слёз и разбитых сердец всех девчонок, сын Земского от первого брака.

По сути, это всё, что было мне известно об Артёме, ибо он хоть и выглядел весёлым раздолбаем, но был очень скрытным и, подозреваю, что не просто так... Они с отцом вели какие-то странные дела, к которым нам, ещё сопливым девчонкам, не было никакого дела.

Уже после смерти Артёма станет известно, что он был сутенёром.

Да уж... Семейка. Не зря Каин, даже несмотря на своё криминальное прошлое, всегда презирал их и называл «сучарами».

После исчезновения сестры я вспомнила тот самый разговор, когда мой родной отец сказал, что я должна переспать с каким – то инвестором, якобы для развития бизнеса.

Разумеется, я устроила погром в его кабинете и заявила, что лучше сдохну, но не лягу под его дружка.

Как ни странно, вскоре он отстал от меня. И уже позже я поняла почему. Ведь была ещё Катя... Моя тихоня-сестричка. От неё-то он и добился желаемого.

По словам подвыпившего отца, моя сестра полезла «не под того» и, обворовав его, подписала себе смертный приговор. Земскому же не оставалось ничего другого, кроме как зачистить все следы, чтобы «серьёзные люди» не вышли на нас.

– Я не хотел этого, понимаешь, дочка?! Не хотел! – орал он мне в лицо, обдавая перегаром. – Просто этот денежный мешок был нам позарез нужен! Всего-то надо было его напоить и подсунуть контракт на поставки материалов! Откуда же я знал, что она в сейф к нему ползет! А ты что думала, на твою учёбу и бесконечные шоппинги нам деньги с неба падают?!

И тогда я ещё была так глупа, что поверила ему. Поверила, что он действительно раскаивается и горюет по дочери. Поверила в то, чего никогда не было. Даже в свою вину поверила...

Даже после всего случившегося, когда Земской поджог дом, погубив в огне себя, свою жену и сына, я плакала и тосковала по нему.

Ведь он был моим отцом!

Прошло время и, впервые взяв на руки свою маленькую кроху, я поняла, что такое настоящая семья. Что такое любовь. Всё что было до этого лишь тлен... Иллюзия в которой сначала жила моя мама, а потом и мы с Катей. Хотя теперь уже я сомневаюсь на счёт сестры. Она знала и видела поболее моего. Я же была слепым котёнком, которому можно подсунуть тёплый кусок меха и он посчитает его своей матерью.

Прошло еще два года и на третьем курсе международного института экономики (который, кстати говоря, я так и не окончила), я встретила Диму.

В тот день была вторая годовщина смерти моей сестры. Подумать только, я не могла даже носить траур... Все друзья и знакомые, которые знали Катю исчезли, точно так же, как и она сама. Я не знала почему и куда, но, честно говоря, и знать не хотела. Слишком была напугана. Попросту боялась, что те люди, которые убили сестру придут и за мной тоже.

Мне не оставалось ничего иного, кроме как страдать тихо и в одиночку. Прогуливаясь по набережной, не заметила как начался сильный ливень, но уходить не хотелось. Просто стояла и, подняв лицо к небу, наслаждалась тёплыми струями воды. Так я хотя бы могла поплакать и никто не увидел бы моих слёз.

Внезапно на мои плечи кто-то накинул куртку и, открыв глаза, я встретилась с пронзительным взглядом тёмных омутов, в которых, наверное, утонула ещё тогда.

– Замёрзнешь, Дюймовочка. Садись, подвезу, – он начал разговор так странно, словно мы были уже знакомы и, видимо, это позволило мне совершить глупость – беспрекословно сесть в его дорогу иномарку.

С тех самых пор и начались наши отношения. Ухаживания Димы были настойчивыми и даже немного навязчивыми, но я принимала их. Скорее всего, мне просто хотелось, чтобы меня любили. Просто нравилось знать, что кому-то я нужна не за что-то, а просто так.

А он умел любить. Поначалу его помешательство даже немного пугало. Словно сумасшедший он ревновал меня к каждому фонарному столбу и не стеснялся это демонстрировать.

Однажды, возвращаясь домой после пар, я столкнулась с бывшим одноклассником, который, разумеется, поприветствовал меня поцелуем в щёчку. В тот же миг, словно из-под земли, за спиной бедного парня вырос Каин. Честно говоря, я тогда испугалась не только за одноклассника, но и за себя. В глазах Димы полыхал огонь, обещающий сжечь в себе всех и каждого, кто посягнёт на его девушку. Одноклассник тогда отделался затрещиной, а я лёгким испугом, но даже это не насторожило – слишком доверчива была. Слишком глупа.

Шли дни, недели, месяцы. И Каинов вышел на новый уровень – каждый вечер он забирал меня к себе домой, где было так тепло и уютно, словно это и есть мой родной дом. Незаметно для себя самой, я начала перетаскивать к нему свои вещи и опомнилась уже тогда, когда однажды он вручил мне кольцо и приказным тоном заявил, что учёбу мне придётся бросить, ибо теперь у меня будут другие обязанности.

Уже тогда я знала, что Каин не простой человек. Он жёсткий и бескомпромиссный. Не принимающий отказов и всегда твёрдо идущий к своей цели. Но мне это нравилось. Всё в нём вызывало такое восхищение, что хотелось кричать о своём счастье.

Что ж...

За всё приходится платить. Иногда, за счастье тоже.

Отец же, узнав о моей связи с криминальным авторитетом, о состоянии которого мог только грезить в своих алчных мечтах, был на седьмом небе от счастья. Искренне, как мне тогда показалось, пожелал молодым счастья и с чистой совестью выдал меня замуж.

Правда, уже через пару месяцев начались тревожные звонки от брата, который ранее почему-то обо мне вспоминал не часто. Оказалось, что отец снова прогорел и погряз в кредитах.

И Дима помог ему. Один раз, второй, третий... Сколько было таких безвозвратных займов – не счесть. Но в один прекрасный день, а вернее, вечер, когда я в очередной раз попросила крупную сумму у мужа, он отказал. Жёстко и чётко.

– Варь, когда твой папаша научится вкладывать бабки в дело, тогда, возможно, я ещё подумаю. Но сейчас же он спускает всё на свою бабу и сына. Я для нас с тобой и наших будущих детей пашу с утра до ночи. Но не для них. Извини, – таким был ответ Димы и я его хорошо понимала.

Кому нужны родственнички, сосущие деньги из кармана зятя, словно пылесос.

Я была согласна со своим мужем. Пора им научиться жить самостоятельно.

Вот только такой ответ не устроил Земского. Поняв, что «кормушка» закрылась, он пригласил меня к себе в кабинет, посадил на диван и включил «забавное» видео... С участием моей погибшей сестры.

Вот тогда – то я и поняла, осознала, кто сидит передо мной. Не отец. Не родственник и даже не друг.

Мразь.

Жадная, не гнушающаяся ничем сволочь.

Да, я могла бы рассказать Диме о сестре. Только был ли в этом смысл? Ведь Земской на пару с братцем хорошо потрудились над тем, что бы Катя осталась только в моей памяти. Шансов доказать мужу, что на записи не я, практически не было.

Мы с Катей были как две капельки воды. Даже родинки на груди и те одинаковые...

Поверил бы мне Каин?

Нет.

Да он впадал в бешенство, стоило мне только взглянуть на проходящего мимо мужчину. Что говорить о таком видео!

И я пошла на поводу у подлого шантажиста.

Украла деньги у собственного мужа, продав все свои драгоценности, им подаренные. Можно ли это назвать воровством? Без сомнений.

Почему я не уничтожила запись, как только она попала мне в руки? Этот вопрос меня мучает до сих пор.

Память о сестре?

Чушь.

Она там не цветочки собирала, что бы можно было пересматривать как хоум видео перед сном и пускать скупую слезинку.

Может я просто хотела помнить это? Знать и никогда не забывать, что родной отец сотворил со своей дочерью?

Теперь уже неважно. Моя жизнь искалечена человеком, которого я так сильно любила и всё из-за моей трусости и слабости.

Я забила в уголок и предпочла там тихо подохнуть, чем попытаться доказать, что не предавала.

Я ведь так и не узнала, что наговорил Каину Земской перед смертью. И уже не узнаю. Да впрочем и не горю желанием.

Всю ночь я пролежала, глядя в потолок и перекручивая так и эдак прошлое. Зачем?

Шесть лет мои мысли были заняты только дочерью и лучше бы так оно и оставалось, чем сейчас терзать себя тем, что уже не изменить.

– Мамочка, – тихий голосок дочери вывел из оцепенения и я снова надела радостную маску, которая столько времени скрывает мою боль.

– Доброе утро, ангелочек мой, – прижалась губами к сладкой щёчке и забыла всё, что сводило с ума целую ночь.

Она моё спасение. Моё маленькое сокровище, что своим сиянием защитит от всех тяжёлых дум и горестей. Ведь ради неё мне не будет больно пройтись по раскалённым углям и прыгнуть в жерло вулкана.

– Мамочка, а я видела большого дяденьку. Он приходил в мою комнату... Он хотел меня забрать? – карие глазки уставились на меня в ожидании ответа.

– Нет, ангел ты что? Это был всего лишь сон. Никто тебя не заберёт у меня. Никогда.

Глава 9

– Я всё узнал, Саныч. Варвара Алексеевна Земская родилась...

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tn.knigapoisk.com/sherr_anastasiya/kain

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)